

Она снова забралась мне на колени, обняв меня за шею. Поцеловав меня в щеку. Я усмехнулся, позволив ей положить голову мне на грудь. Сжимаясь в моих объятиях, она напомнила мне, когда она была младенцем - как она тогда буквально нуждалась во мне. Но теперь она была молодой подающей надежды женщиной, которая, учитывая ее мольбы, приходила к собственному мнению о жизни, и это одновременно нервировало и утешало. Казалось, она воспитывала себя вместе со мной. - Нам не нужно играть, если ты не хочешь. - Ах, обратная психология. Это всегда работает, когда источником является собственная дочь?

- Я не говорил, что не хочу играть. - Она оживилась и посмотрела на меня. - Мне любопытно, почему ты хочешь этого. Я имею в виду, что если ты играешь со своими друзьями, я думаю, это нормально. Я доверяю этим девушкам. Но почему ты хочешь сыграть со мной в такую игру?

Оглядываясь назад на мою белую футболку, она лениво провела пальцем по ткани. - Я не знаю, просто хочу. - Она снова встретилась со мной взглядом и спросила мягко, почти так, как будто она заплакала бы в зависимости от моего ответа: - Так сыграем?

В моей голове пролетело около тысячи и одного сценария относительно того, что могло произойти. Но в конце концов я уступил с тяжелым вздохом ... Ее реакция возникла немедленно, подпрыгивая вверх и вниз на моей промежности, и возбужденно хлопая в ладоши. - Но! - сказал я громко, прерывая ее праздник и снова прижимая ее к своей промежности, чтобы она не причинила мне вреда, - При одном условии. - Она молча посмотрела на меня, наклонив голову, ее волосы свисали с боку головы, как если бы она была "Рапунцель", предлагающей свои золотые локоны своему галантному рыцарю. - И я не могу поверить, что чувствую необходимость сделать это условие, но ... ничего дурного, хорошо?

Ее лицо исказилось в самой злобной усмешке, которую я когда-либо видел у женщин ее возраста или кого-либо еще. Застенчиво, сдерживая эту мерзкую ухмылку, она спросила: - Что ты имеешь в виду, папа?

Я ухмыльнулся ей: - Думаю, девушка твоего возраста точно знает, что я имею в виду. Согласна? - Она озорно кивнула, несмотря на улыбку на ее губах. Я тяжело вздохнул, покачал головой и выключил телевизор. Она поправила ноги, чтобы сесть «по-индийски» лицом ко мне на диване. Я наблюдал за ней внимательно, часть меня хотела снова мельком увидеть ее нежную киску. Но мои отцовские мысли подействовали, и я покачал головой, отгоняя эти мысли. Когда она казалась была готовой, я посмотрел ей прямо в глаза и сказал: - Ладно, сначала ты.

Этим тихим девчачьим голосом, который я так любил, она почти воскликнула: - Хорошо. Правда или действие?

Еще до того, как я согласился на это, я планировал сделать все возможное, чтобы избежать «действия», по крайней мере, на время. Я подумал, что не может быть правды, которую она хотела бы от меня, чего она еще не знала, мы с ней не держали секретов. На этот счет после небольшой паузы я ответил «правда».

Не теряя ни секунды, она спросила: - Почему ты думаешь, что я хочу сделать, что то плохое?

Действительно хороший вопрос. Я немного подумал над своим ответом, так как, честно говоря, я не знаю, откуда это взялось. - Ну, я не знаю. Каждый раз, когда я играл в «Правду или действие» в своей жизни, это всегда было больше, чем просто игра. - Я знал, что Кимми понимает, что я имел в виду, не вдаваясь в подробности. Когда я сказал, румянец на ее щеках сказал мне об этом. - Хорошо, твоя очередь, правда или действие?

- Правда, - весело ответила она. Она посмотрела на меня с надеждой в глазах, как будто я собирался попросить ее выйти за меня замуж.

- Ты в трусиках? - Я не мог поверить своим словам, когда они слетели с моего рта. Я спрашиваю свою дочь, одеты ли на ней трусики, когда я сам же сказал ей, что мы не должны говорить ни о чем дурном. Что со мной не так?

Она приподняла бровь и, казалось, собиралась задать мне тот же вопрос. Но она остановилась, прикусила губу, посмотрела вниз и прошептала почти неслышное, -Нет. - Я нахмурился, услышав ее ответ, и был склонен спросить еще раз: - "Почему?" - Но была не моя очередь. Пока я ждал во время долгого молчания, пока она задаст неизменный вопрос игры, она вместо этого продолжила: - Я ... не смогла найти чистых, когда одевалась. - Ее глаза смотрели на ее ноги, как будто в них был ответ на вопрос, который она не задавала.

Это дало мне возможность обдумать несметное количество вариантов. - "Она спит голой? С каких пор? Более того, вчера вечером я стирал ее белье, у нее должны быть чистые трусики. Зачем ей лгать?" - Милая, ты лжешь. Я постирал прошлой ночью, твои вещи. Ты собираешься сказать мне, почему ты не одела их, скажи правду. - Я понял, что мои отцовские инстинкты продолжали учить ее жизни, что хорошо, а что плохо.

Ее лицо покраснело в несколько оттенков, и она прикусила губу, пока ее глаза метались по комнате. Она делала все, чтобы избежать вопроса, она ни разу не посмотрела мне в глаза, только на грудь и нижнюю часть тела. Наконец, дрожащим голосом она мягко сказала: - Мне нравится это ощущение.

Это казалось вполне приемлемым ответом, но мое любопытство было задето. Забыв о правилах игры, с которых начался этот разговор, я был вынужден спросить: - Чувство чего?

- Моя очередь. - Она увидела мой взгляд с выражением чистого презрения. - Правда или действие?

- Правда.

- Как ты узнал, что на мне нет трусиков? - Ни разу в своем созерцании или ужасе по поводу моего открытия она не двигалась. Но, задав свой вопрос, она, казалось, поняла, что только тонкая хлопчатобумажная ткань ее шорт скрывала ее голую киску от моих глаз. Не то чтобы я смотрел, но она, казалось, думала, что я хочу, когда она раздвинет ноги.

- Когда я щекотал тебя, я мельком увидел твою киску.